

№ 92 (58) ЦАРЬ ДОДОН (ПРО ВАСИЛИЯ БЕССЧАСТНОГО)

Эта про Василия Бессчастливого. Но называется она «Царь Додон».

Этот царь Додон собирал дань ото всяго народа, от всей округи. Этому царю Додону сообщчили, что в одной дрявине осталася вдова: муж помёр, осталось семь робёнок, и яшчо народился уже бяз мужа: как муж помёр, она была бяременная. Ну, и что? Этому царю всё это сказали, что и волк заел корову в этой вдове. Ну, ладно.

Потом царь этот, Додон, знался с Христом. И говорит:

– Приходи ко мне в гости! Я ковёр расстелю от самой дороги до самого моёго двора!

Ну, Христос согласился:

– Хорошо, приду!

Ну, идёт старичок с палочкой. А поставлена стража по обём сторонам. И эта стража не пускае старичка по этому ковру. А он и говори:

– Ну, и хорошо, я и сторонкой пройду!

И идёт с дубиночкой* сторонкой. Идёт, идёт, идёт – прям во дворец зашёл. Не пускают слуги:

– Куда ты, нишчэнка, идёшь! Что тебе надо?

– Да я иду к царю в гости: царь Додон мяня пригласил в гости.

– Ну да яшчо, в гости!

Ну, что? Не пустили. И царь вышел и тоже не пригласил яго. А пир на весь мир заказано! Ну, пир состоялся, а Христа-то нету! Ну, старик и старик! Да, он и говорит:

– Ну, укажите мне, где хыть рига* топленая перяночавать, раз ня получилось в мяня с гостям!

Яму указали ригу, он пошёл под ригу и лёг на печачку, и ляжит.

А дочка б́ыла любопытная в царя Додона, и она уже взрослая б́ыла, как бы сказать. Ну, ня взрослая, но всё понимала, сображала. И говорит [дочка]:

– Папа, я пойду этого дедушку покормлю! Всё ровно всё остаётся, будете собакам выбрасывать!

– Куда ты яшшо пойдешь? К нишчэнке! Надумала кормить!

– А я пойду!

Ну, вот, она набрала яды и пошла. Приходит, а там такой гомон*! Вечаром это уже, и она не испугалась. Значит, так было Боуу надо. Стоит кыл двэри, и разговаривают:

– Ну, свет Христос, что тяперь? Как вы накажете тяперь этого царя Додона?

А он и говорит:

– А вот как тяперь накажем. Во вдовы восемь робёнков, заел волк коровку, и в ей естя сын: рожено нядавно. Етот сын – Василий Бяссчастный – отовладеет всё богатство царя Додона и потом возьмёт в жёны дочку явонную.

Она это всё выслушала. Замолкли там говорить, улятели ангелы. Стучыт. Никто не отвячае, она дверь открывает и идёт:

– Здравствуйте, дедушка!

– Ну, здравствуйте!

– Дедушка, я вам покушать принясла.

– Ня надо, деточка, ня надо! Я сыт, сыт! Ня надо!

– Не, дедушка, не понясу обратно! Я от вам покушать принясла.

Пришла домой и говорит (в тую ночь не сказала, а назавтра утром). И говорит отцу:

– Вот, отец! Это вовсе ня нишченка был, а Христос! В яго были ангелы и говорили, что тябя накажет тяперя, что будет Василий Бяссчастный – вот в такой-то дяревне восемь робёнков, восьмая дочка украдена в Змея двенадцатиголового. Вот. А шчастье всё отовладеет он от тябя и богатство и потом мяня в жёны возьмёт, на мне поженится!

Он всё выслушал и поехал в эту дяревню. Забрал кучара, приязжает в эту дяревню. А дань-то вся округа плотит! Собрал сходку, как по-раньшему говорили. Сходку собрал, весь народ, что вот я хочу как бы крёстным быть этому мальчыку.

Ну, назовёмте яго Василий Бяссчастный! (А он уже знает, дочка-то рассказала, что называли ангелы с Христом: Василий Бяссчастный). Василия вот Бяссчастного я забяру сябе – и дань ня будете никто платить.

Все уговаривают эти соседи ону – она ни в какую!

– Где сем, где шесть, там и сем! (Дочку уже не считае, раз она потярявши.) И етот вырастет. Нет! Я со своей сряды буду кума брать: куда мне таких богатых такой нишчэй!

Он и говорит:

– Я всё вам привязу: и на крестьбины*, и обую-одену – только возьмите с моей стороны куму́ и мяня в кумовья!

Не соглашается! Ну, вси мужуки:

– Что ты! Что ты будешь делать с им: голодная, холодная, голь-голь, полосинка вдоль? Что ты будешь делать? Согласися! Он так тябе будет помогать!

Он сказал:

– Я по гроб жизни вам буду помогать, только возьмите в кумовья!

Ну, она как бы согласилася.

Ну, потом приязжает, когда на крестьбины, к этому Василия Бяссчастлиного крястить, и говорит:

– Отдай яго мне в сыновья!

Она не соглашается. Собирает сходку, весь народ, что уговорите ону, чтобы отдала своего сына мне:

– Куда ж он в ей буде растеть, рванный и ободраный! А в мяня будет учоный, будет что сыр в масле кататься!

Ну, народ:

– Что ты это думаешь? Дань ня будем платить! И с тябя, с тябя-то что брать? И всё равно дёрет*!

Ну, как бы согласилась она:

– Ладно! Только чтобы мне яго повидать когда!

Ну, согласился, что вы яго видеть будете, я даже сам привязу!

И хорошо он привёз! Ехали-ехали со своей кумой, доехали до крючи* (такая крюча глубокая! зарослая!), в эту крючу и снясли и положили во всём наряде (а наряд привязли, и одяяло шёлковое – всё; одели, как следуе быть, младенца).

А дань-то плотют другие, ездют с других-то дерявён! Едут-едут, проехал первый и говорит:

– Что-то такой где-то писк?

Ну, и внимания не обратил. А последний едет: робёнок плачет, и здорово! Он и кричит:

– Постойте! Что-то, – говорит, – тут ня ладно в крючы! Детский крик здесь!

Ну, установились, прибгают – а это робёнок брошенный. А в этого последнего не было дятей. Он и говорит:

– Ну, вот, робяты, я забираю сябе сына. От, жаны подарок-то привязу!

Ну, приехали к этому царю Додону. Всё разглядывает [царь] дань, а дявчонка эта по павозкам бегаёт, ныряет: хто что привёз. И заглядела этого мальчыка! Заглядела этого Василия Бяссчастлиного и бягёт к отцу:

– Отец! Вот сягодня-то нам дань привязли, так привязли! Никак братика?

– Как братика?

– А вот на посленей повозке естя мальчык наряженный, ляжыт!

Ну, он [царь] ня тут-то и было! И говорит:

– Убирайте дань свою обратно, уязжайте, а етого мальчыка мне в сыновья отдайте!

– Да что вы, царь Додон! У мяня нету дятей! Да мне жана как бы была рада, что я привязу ей сына!

– Никаких! Отдайте мне! Дань ня будете платить!

Ну, мужики говоря [мужику, взявшему ребёнка]:

– Что тябе робёнок чужой? Подумаешь! И дань ня будем платить! И сейчас всё домой повязём!

Ну, согласился, отдал. Ну, ладно, отдал этого мальчыка. Что с этим мальчыком яму делать? И говорит [царь] слугам:

– Привяжите бочку!

Привязли бочку. Зачым бочка?

– Ну, вот сажайте яго в эту бочку, этого Василия Бяссчастлиного, и упустите!

Вот оны [слуги] бочку принесли, положили яго [ребенка], а яму дали большую такую марлю с ядой, чтобы он сосал (соски-то раньше ж такие сосали дети: в марлю хлеба или что. Ну, раз он был богатый, так оны нашли что дать, слуги-то). Засмолили бочку, отправили. Плывёт эта бочка...

А на той стороны вдаляке жили монашки. Он [царь] к этим монашкам тоже за данью ездил. А там была монашка самая главная, уже пожилая-пожилая.

И вдруг эта бочка на песок выкатилась. Пошли женщины за водой, смотрят: бочка! «Что это такое – бочка? Откуда-то появилась! У нас не было бочек!»

Докладают этой старшей. Ну, что делать?

– Давайте расколачивать!

Никак не расколотить! Вот он [ребенок] впёрся ногам – это дно выскочило. Глядят: а там неописанный красавец, растёт не по дням, не по часам, а по минутам да по сякундам. Ну, что им делать? Ну, они сообразили скоро. Эта главная и говорит:

– А он будет тяперь замяшчать мяня, вырастет: я тяперь скоро умру.

А он [царь] за данью-то и к им [монашкам] ездит! И все комнаты обойдёт, и все кладовые в их обойдёт! Ну, живут да поживут; Василий Бяссчастный уже большой, всё помогает им делать – всё вкрадках*, чтобы никто яго не увидел.

Вдруг приязжает царь Додон за данью, обходит вязде всё и напал в последней комнаты на этого Василия Бяссчастного:

– Как вы смели? Вам не разряшён такого!

Она [старшая монашка] и говорит:

– Я тяперь старая, скоро умру, а взамену нету. А мы Василия Бяссчастного выучим, и он буде замяшчать мяня.

– Никаких! Василия Бяссчастного забираю я! Я тоже тяперь пожилой. Вот. И с вас дань не возьму, а забираю Василия Бяссчастного!

И забрал и уехал. Уехал. Как яму сбыть яго? Куда яму сбыть яго? Пишет письмо: двянадцатоголовому Змею на съядение этого Василия Бяссчастного!

Идёт Василий Бяссчастный с этой записочкой, попадает старичок навстречу:

– Куда ты, Василий Бяссчастный, идёшь?

– Дедушка, а я иду туда, и сам ня знаю, куда! Вот послал царь Додон мяня с этой записочкой, а я и сам ня знаю, куда я иду.

– Ну, ладно, – говорит, – ну, вот где пойдёшь, что в тябя будут спрашивать, всё запоминай. Дай мне эту записочку!

Эту записочку взял и отправил яго, благословясь.

А через реку только этот царь Додон ездит за данью, больше туда никто ня ездит. И ета вот сястра явоная [Василия

Бессчастливого] старшая за Змеем двенадцатоголовым, украдена, и он с ней живёт.

Встречает она яго [Василия]: «Что? Что это такое? Никого никогда не бывает – кто-то идёт!» Он пришёл, она виде, что это похож на ихнюю родню, схватила:

– Как ты сюда попал? (Знала, что он народивши, Василий Бяссчастный).

А он говорит: «Вот так-то и так!» Всё он ей рассказал, что царь Додон мяня послал с записочкой, а старичок мяня встретил, записочку утобрал и отправил мяня на лодке.

Перявошчык перявёз яго и говорит:

– Где будешь, спроси там, долго ли я буду перявозить!

– Хорошо, спрошу!

Кол дуба захотел посидеть, дуб спрашивает:

– Василий Бяссчастный, куда идёшь, спроси там, долго ли я буду стоять?

– Хорошо, спрошу.

Ну, ладно. Едет он, пришёл он к ей [сестре], схватилися*, поцеловались-помиловались, накормила, напоила и говорит:

– Ну, тяперь, – а был комод высокий, и салфетка б́ыла спушшен до самого пола; она отодвинула этот комод и говорит, – вот тяперь уже время яму прилятать домой, а мне тябя надо запрятать. А что я буду в яго спрашивать, ты всё запоминай! Хорошо запоминай!

Ну, накормила-напоила, положила яго, запрятала.

Вдруг прилятает [Змей]:

– Фу! Фу! Русским духом пахнет!

Она и говорит:

– Да, удала голова, по всему свету лятал – нанюхался русским духом. Так и я-то русская ж!

Ну, ладно. Поел, попил, лягли спать. Она и говорит:

– Вот я тябе не успела сон рассказать. Какой мне сон сягодня снился! Вот где-то я ехала на лодке, спрашивает перявошчык, долго ли он буде перявозить. А он, Змей, говоря:

– До тех пор буде перявозить, покуда выхарнет* двадцать пять золотых кораблей и сяребряных, тогда ня будя перявозить.

– Вот кол дуба я сидела, дуб спрашивает: «Долго ль я буду стоять?»

А он и говорит:

– А до тех пор буде стоять, покуда кто переядет, наиспашку* ногой поддаст, тогда он рассыплется на серябро да на золото в котлы, тогда ня будет стоять.

Вот он всё выслушал, утро настало, Змей двенадцатиголовый улятел; она [сестра] яго [Василия] отправила домой; дала всего яму на дорогу и отправила.

Отправила. Подъехали... подошли к ряки. Перявошшык перевозит. А он [Василий Бессчастный], и говорит:

– Перевязи на ту сторону мяня, тогда, я тябе скажу!

Ну, перявёз на ту сторону, он и говорит:

– А вот тогда ня будешь перевозить, когда вот выхарнешь двадцать пять кораблей золотых и двадцать пять сяребряных, тогда ня будешь перявозить! (Да, про кит-рыбы, пропустила!) Тогда ня будут твои кости тяреть!

Ну, выслушал всё [перевозчик], сел, поехал. Поехал [Василий Бессчастный] до дуба. Забегае к дубу, дуб спрашивает:

– Василий Бяссчастный, спросил, где был, долго я буду стоять?

– Спросил! – и как шарахнул наиспашку ногой – он [дуб] рассыпался на серябро да на золото в котлы.

Ну, тот Василий Бяссчастный всё подобрал. Едет. Горит от золота всё да от серябра! Затопотался царь Додон!

– Что это такое: на исьядение посылал, а он что сделал! Сам на разборку – некогда яму дань принимать! Он с такой данью! Яму никогда такую дань не платили! – на разборку к двенадцатиголовому Змею побяжал!

Бег-бег, прибяжал к этой лодке. А перявошшык и говорит:

– Вот перевязу на ту сторону, тогда ты мне скажешь.

А он [царь] и говорит:

– Как ты мяня перевязёшь на ту сторону?! Мне надо вот на эту сторонú!

А он и говорит:

– А вот перевязу я на тую стóрону, тогда и вылезешь!

Перевощик переехал на тую сторону, поддал лодку ногой наиспашку – и царь перявозит посеишас!

Царь Додон уже стал перявошчыком по лодке, а Василий Бяссшасшный стал царём, пожанился на дочке [царя].

И сказка вся, говорить няльзя.